Анна Исламова

ВЕРНИТЕ МОЕГО СЫНА

18+

Анна Исламова
Верните моего сына

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42175429
SelfPub; 2019
ISBN 978-5-532-10445-7

Аннотация

Ужас и отчаяние с головой накрывают молодую мать-одиночку Юлю, когда в разгар дня из ее квартиры дерзко похищают 11-месячного сынишку. Но через некоторое время выясняется, что малыша никто и не крал! Ребенок цел и невредим: всего-то брошен посреди торгового центра с запиской-отказной от имени его матери… Как такое может быть?! Юля уверена, что все случившееся – ужасная ошибка! Но органы опеки настроены иначе: мамашу нужно лишить родительских прав! Девушка не понимает, кому потребовалось так подставлять ее и разлучать младенца с матерью… Но главный вопрос: сможет ли она вернуть сына домой?!

Всего один неловкий взмах пухлой ручонки – и зеленовато-желтая масса с легким оттенком коричневого цвета и терпким запахом тушеной капусты выплеснулась из небольшой чашки. Жижа невероятно быстро расползлась по белоснежной пластиковой поверхности детского столика для кормления, собравшись на самом краю. Ее огромные капли уже грозно набухли и были готовы сорваться вниз, как в самое сердце лужицы со звонким шлепком обрушилась крохотная ладошка проворного сыночка.

Мое лицо обдало веером сочных овощных брызг, как, впрочем, и бежевый диван из мягкой экокожи, стоящий позади, и невысокий торшер лимонного цвета, расположенный там же в углу. Внизу на пушистом ковре сливочного оттенка предательски ярко заблестели многочисленные мелкие капельки перемолотого брокколи.

Я тяжело вздохнула и закрыла глаза, усиленно пытаясь подавить в себе все негативные эмоции и раздражение. Спустя несколько секунд после короткой релаксации моему взгляду предстало абсолютно довольное и счастливое личико сына, сидящего напротив. Его голубые глазки озорно блестели, а ручки уже деловито размазывали овощное пюре по всему столику.

– Ну Кирюш, зачем ты так?.. – с усталостью в голосе задала я риторический вопрос и, нехотя поднявшись, принялась за уборку. – Вот и пообедали…

Но сыночку было абсолютно все равно на мои стенания,

он активно познавал этот мир и явно не собирался останавливаться на достигнутом. Быстро смахнув со стола остатки пюре влажной тряпкой, я взяла Кирюшу на руки и отправилась с ним в ванную комнату умываться. Сынуля совершенно точно не хотел сдаваться мне без боя, он кричал и вырывался, словно я пыталась усадить его не в ванну, а на костер. Все же силы были не равны, и через некоторое время ему пришлось мне уступить.

– Ну вот, Кирюша, снова чистенький стал! И зачем только сопротивлялся?.. – в завершение водных процедур я звонко чмокнула его в сверкающую чистотой пухленькую щечку. Малыш в ответ отчаянно завертел головой и звонко рассмеялся. – Сейчас мамуле придется убрать весь беспорядок, а ты пока поиграй!

Я посадила Кирюшу в новенький манеж голубого цвета, расположенный в дальнем конце однокомнатной квартиры. Он тут же забыл про меня и с интересом принялся собирать яркую пирамидку, состоящую из крупных колец всех цветов радуги. Пока карапуз занялся делом, я быстро сходила в ванную комнату, набрала воду в небольшой таз, вернулась и начала оттирать губкой пятна с ковра, поминутно поглядывая на сына.

Закончив с напольным покрытием, я перешла на диван, помыть который оказалось не так уж и сложно. Зеленоватые пятна брокколи легко стирались с блестящей поверхности искусственной кожи, что меня несказанно порадовало. Куда

хуже дело обстояло с торшером: как я ни старалась удалить въедливые крапинки, на тканевом желтом абажуре с короткими кисточками все же остались заметные грязевые разводы.

Когда последствия озорного «торнадо» в комнате были относительно устранены, я вспомнила, что и сама слегка пострадала во время обеда. Пришлось вновь идти в ванную комнату (к счастью, Кирюша не обратил на меня никакого внимания), где я по привычке быстро умыла лицо простой водой, с усилием отскребая с кожи уже засохшие корочки овощного пюре.

Не успела я как следует обтереться махровым полотенцем, как услышала громкий и требовательный крик сына. Быстрым шагом я пустилась к манежу. Карапуз уже стоял в нем на своих маленьких ножках, крепко держась за тканевые поручни. Заметив меня, он сразу же стал тянуть вверх ручонки, стремительно теряя устойчивость. Я легко подхватила Кирюшу, он сильно прижался ко мне всем своим маленьким телом так, как будто за короткое время успел сильно соскучиться.

Мой взгляд бегло скользнул по стене и наткнулся на часы в круглом корпусе, изготовленном из светлого дерева и покрытом прозрачным лаком. Красивые ажурные стрелки на циферблате настойчиво приближались к полудню, а это означало, что по режиму Кирюше требовался дневной сон, а мне – кратковременная передышка.

Я присела на край дивана, аккуратно положила на сгиб левой руки головку сына, прижала его к себе и начала тихонько покачивать. Любимый карапуз затих и стал внимательно смотреть на меня своими большими голубыми глазками, обрамленными веером густых ресниц. Его родной взгляд словно говорил, что он понимает меня без слов. Постепенно веки малыша опустились, дыхание выровнялось, а маленькое тельце налилось приятной теплой тяжестью.

Кирюша сладко посапывал на моих руках, а я все не могла налюбоваться на него. Русые и невероятно мягкие, словно пух, кудряшки, точеный, слегка вздернутый носик, кукольные губки и крошечный подбородок навсегда покорили мое сердце. Я могла бы смотреть на это маленькое чудо вечность, но усталость все же взяла свое.

Осторожно встав с дивана, я подошла к белой деревянной детской кроватке, расположенной рядом с манежем, и аккуратно переложила сыночка на перинку. Затем заботливо накрыла его мягким пуховым одеялом и задернула над колыбелью прозрачный навесной балдахин из тюля нежно-голубого цвета.

Ну вот, ангелочек мирно спит, теперь можно немного расслабиться и выпить чашку ароматного кофе. Я прошла по небольшому коридору в маленькую кухню, находящуюся чуть дальше ванной комнаты. Несмотря на небольшой размер, от этого уютного помещения, как мне казалось, всегда исходило какое-то живое тепло.

Возможно, эти ощущения были вызваны воспоминаниями из детства. Раньше, когда я была еще ребенком, мы часто собирались семьей именно на кухне. Она была почти такая же маленькая, как моя, но в ней всем хватало места. Это было так давно, словно в другой жизни. Сейчас уже нет ни того дома, ни семьи, ни домашнего тепла… Мама с папой развелись, как только я окончила школу, поделили жилье и разъехались по разным городам, оставив меня самостоятельно постигать все прелести и невзгоды взрослой жизни.

Прогоняя легкую грусть по былым временам прочь, я налила себе горячий, только что сваренный кофе из медной турки в большую керамическую кружку. На посуде красовалась дурацкая надпись «Богиня» и рисунок в виде помпезной девушки в нижнем белье (подарок от коллег по работе на Восьмое марта). Не знаю, почему, но эта кружка мне нравилась. Она как бы служила мне неким напоминанием о том, что, кроме стен этой квартиры и декретного отпуска, существует совсем другая, активная и бурлящая событиями жизнь.

Вдыхая соблазнительный аромат кофе, я встала у просторного трехстворчатого окна. С высоты пятого этажа мне открывался прекраснейший вид на улицу. Далеко внизу во всей своей красе царствовала ранняя золотистая осень.

Разноцветные листья только начали осторожно и как будто нехотя опадать с деревьев, устилая тонким слоем газоны и дорожки. Ярко светило солнце, нагревая своими лучиками

голубовато-бирюзовые лужицы, в которых отражалось бескрайнее небо. Сентябрь в этом году вел себя так, словно хотел напоследок хорошенько обогреть жителей этого шумного города перед затяжными холодами и дождями.

В голове сразу же возникли приятные мысли о прогулке. Вот Кирюшка поспит, а после мы покушаем и обязательно выйдем гулять на свежий воздух. Внезапно мои раздумья прервал неожиданный звонок в дверь, прозвучавший в тишине квартиры оглушительно громко. Я со всех ног поспешила к выходу, стараясь производить по пути как можно меньше шума.

Слегка приоткрыв дверь на цепочке, я увидела перед собой неизвестного мне крупного высокого мужчину. Он был одет в темно-синюю служебную форму какой-то государственной организации, а в руках держал большую, плотно набитую кожаную папку.

Лицо незнакомца отличалось обилием растительности, на носу были надеты затемненные очки классической формы. Догадаться по его внешнему виду о возрасте в первые секунды было довольно сложно – густая борода скрывала большую часть физиономии. Но, немного приглядевшись к фигуре мужчины, я все же заметила небольшой, предательски выпирающий из-под кителя пивной животик.

– Вам кого? – настороженно спросила я.

– Добрый день, я инспектор по пожарной безопасности, – официальным тоном представился мужчина. – Сегодня мы

проводим плановую проверку всех квартир этого дома на соответствие требованиям пожарной безопасности. Вот мои документы.

Незнакомец просунул в щель между дверью небольшое прямоугольное удостоверение алого цвета. Я открыла его и прочитала внутри: «Зверев Антон Геннадьевич, инспектор МЧС по пожарной безопасности». С миниатюрной фотографии документа на меня смотрел точно такой же бородатый мужчина, но без очков.

– Извините, вы не могли бы снять очки? – немного смущенно попросила его я.

– Конечно, – инспектор снял их и в упор посмотрел на меня, в глаза мне тут же бросилась необычно крупная темная родинка, находящаяся у правого нижнего века.

Взгляд пожарника был серьезный и цепкий, от него мне почему-то сразу стало неуютно, а по коже пробежал легкий холодок. Но сомнений не было никаких: мужчина на фото и пожарный инспектор, стоящий передо мной,– один и тот же человек.

– Могу я произвести проверку пожарной безопасности вашей квартиры? —обратился он ко мне, быстро нацепляя очки обратно.

– Да, конечно, – я сняла защитную цепочку и, широко распахнув дверь, вернула ему обратно документы. Инспектор тут же проворно сунул удостоверение в нагрудный карман. – Можете войти.

Мужчина прошел в квартиру, не разуваясь, на ходу деловито осматриваясь. Я почти физически ощутила, как в узком коридоре прихожей стало до невозможности тесно.

– Как давно меняли проводку? – спросил он меня, пристально рассматривая ближайшую к выходу телефонную розетку.

– Не могу сказать вам точно, эта квартира съемная, если только позвонить хозяйке, – бодро ответила я.

– Нет-нет, не нужно! Я вижу, что у вас здесь все в порядке, – как-то слишком поспешно и нервно произнес инспектор. – Мне необходимо обязательно осмотреть балкон, покажите, пожалуйста, как туда пройти.

– Пойдемте.

Я пошла вперед по коридору и завернула в комнату, служившую мне одновременно залом, спальней и детской. Инспектор вальяжной походкой двинулся следом за мной. В дальнем конце этого многофункционального помещения располагался небольшой застекленный балкон.

– Вот сюда, пожалуйста, – аккуратно открыв пластиковую дверь, я жестом пригласила мужчину вовнутрь.

– Спасибо, дайте мне пару минут, я здесь все осмотрю, и если будут какие-либо замечания, сообщу вам об этом,– пожарный инспектор вошел на балкон, всем своим видом показывая, что в дальнейшем сопровождении он не нуждается.

Я пожала плечами и осталась стоять в комнате рядом с дверью, наблюдая за его действиями. Проверяющий сначала

что-то кропотливо разглядывал внутри, а затем на несколько минут выглянул с балкона, буквально в половину тела свесившись вниз в распахнутое широкое окно. После осмотра он открыл свою объемную папку и, стоя спиной ко мне, начал копаться в ней.

Мысленно я предположила, что сейчас он извлечет оттуда кипу бумаг, на заполнение которых уйдет немало моего драгоценного времени. Или, может быть, ему что-то не понравилось и он готовится выписать мне какое-либо предупреждение, уж больно долго возится.

В глубине квартиры в этот момент ожил стационарный телефонный аппарат. Меня это несказанно удивило, так как на домашний номер звонки сюда поступали крайне редко. Я на всех парах бросилась из комнаты в коридор, опасаясь, что настойчивая трель прервет сладкий сон моего ангелочка.

Телефон стоял справа вблизи входной двери на узкой, покрытой потрескавшимся лаком хозяйской старой тумбе. Я как можно быстрее подскочила к ней, едва не ударившись ногой о массивную темно-синюю детскую коляску, расположенную впереди тумбочки. Наскоро сорвала трубку, гадая в уме, кто бы мог быть по ту сторону аппарата. Первым кандидатом в моем воображаемом списке была сама хозяйка квартиры.

– Алло?.. – запыхавшись, ответила я. – Слушаю вас!

Странно, но на том конце провода царила полная тишина. Я внимательно прислушалась – спустя секунду появился ед-

ва слышимый треск.

– Говорите, вас не слышно! Зоя Степановна, это вы? Может, перезвонить вам на сотовый? —неприятный шум в телефоне усилился, и, кажется, стал слышен чей-то едва различимый голос.

Я была почти уверенна, что звонила Зоя Степановна – владелица квартиры. Может, хочет показания по коммунальным услугам спросить или еще чего, лучше перезвонить ей с мобильного. Собравшись вернуть телефонную трубку на место, я краем глаза уловила сзади молниеносно резкое движение.

Внезапно крепкие мужские руки плотно обхватили меня, надежно сковав все движения. От испуга я даже не сразу закричала, а когда через мгновение опомнилась, злоумышленник уже зажал мой рот и нос какой-то резко пахнущей тряпкой.

Вопли страха и паники были полностью заглушены плотной тканью, вместо них наружу лишь вырвалось мое глухое нечленораздельное мычание. Бешено крутя во все стороны головой и хаотично нанося удары ногами по противнику, я отчаянно сопротивлялась и пыталась выбраться из плена крепких рук. Все было бесполезно, в нос лишь сильнее забивался затхлый запах эфира, а во рту появился приторно сладкий привкус.

Неравная борьба длилась, как мне казалось, вечность. Внезапно с испугом я ощутила, как мое тело становится

невероятно податливым и безвольным, очертания окружающих предметов в глазах стали туманными, а затем и вовсе размылись, превратившись в непонятные пятна. В ужасе еще несколько секунд я пыталась слабо оказывать сопротивление напавшему, но с отчаянием поняла, что неизбежно проваливаюсь в плотную черную пустоту. В голове промелькнула последняя мысль: «Господи!!! Спаси моего сына!»…

* * *

Я с трудом разлепила глаза и поняла, что лежу в своей квартире на излюбленном кожаном диване. И как меня только угораздило уснуть в разгар рабочего дня?! Ведь это непозволительная роскошь! Попробовала резко встать, но лишь смогла на несколько сантиметров оторвать свинцовую голову от плотно набитой подушки. К рукам и ногам словно кто-то привязал неподъемные железные гири – конечности попросту отказывались подчиняться.

В уме сам по себе возник пугающий вопрос: почему Кирюша так долго спит? Обычно его сон длится недолго, а тут такая тишина стоит, его не слышно!.. Мой взгляд наткнулся на распахнутую балконную дверь и в этот же миг меня резко прошиб ледяной пот. Я вспомнила, как на меня напали! Это был мужчина, представившийся пожарным инспектором! Что он хотел??? Ограбить??? Что с сыном???

С огромным усилием я перевернулась на живот, подползла на край дивана и кулем свалилась с него. Мягкие ворсин-

ки пушистого ковра смягчили падение, но довольно болезненно врезались мне в лицо. Не обращая внимания на неприятные ощущения, я взглядом нашла детскую кроватку и… внутри все оборвалось… Легкая ткань балдахина была откинута!

Как можно быстрее поднявшись на трясущиеся ноги, я сделала несколько нетвердых шагов в сторону колыбели. Голову сразу же стало стремительно кружить, а к горлу подкатила тошнота. «Нужно идти! Иди!» – с испугом и глубокой верой в лучшее повторяла я мантру внутри себя, по-черепашьи медленно преодолевая расстояние. Сделав последний заветный шаг до своей цели, я хищно схватилась за деревянный бортик кроватки и с надеждой заглянула вовнутрь.

Мягкое одеялко сыночка было небрежно откинуто в сторону, обнажая осиротевшую, мертвенно бледную простынь… Кирилла в кроватке не было! В ту секунду, когда я это поняла, в мое сердце словно вонзилась тысяча невидимых ножей, беспощадно раскромсавших его на маленькие кусочки. В висках громко и быстро застучала кровь, грудь нестерпимо сдавило, и я завыла нечеловеческим голосом.

В отчаянии, все же надеясь обнаружить малыша, я принялась лихорадочно шарить руками внутри, переворачивая маленькую постель вверх дном. Осознав, что его там точно нет, я без сил сползла вниз по обрешеченной стенке кроватки на пол и начала громко рыдать. Слезы градом стекали с моих щек, мгновенно образуя на полу небольшие соленые

лужицы.

Сильнейшая истерика сотрясала меня несколько минут, но в какой-то момент я вдруг поняла, что нужно немедленно действовать. Быстро утерев мокрые щеки и нос ладошкой, я вскочила на ноги – необходимо срочно звонить в полицию! Что есть силы, я ринулась к низкому журнальному столику у дивана, на котором лежал мой сотовой телефон. Былая слабость в теле отступила, словно ее и не было вовсе.

Трясущимися руками я кое-как набрала короткий номер полиции и с напряжением стала вслушиваться в протяжные телефонные гудки. На третьем по счету сигнале мне ответил равнодушный мужской голос:

– Полиция, дежурный Соколов, слушаю.

– У меня сына украли!!! Помогите!!! – срывающимся голосом прокричала я в трубку.

– Представьтесь, пожалуйста, – совершенно спокойно ответили мне.

– Разве это так важно??? У меня из дома ребенка украли, он еще совсем кроха, годика нет! —в истерике возмутилась я. – Приезжайте скорее по адресу: улица Мира, дом 16, квартира 74!

– Хорошо, ждите наряд, – на удивление легко согласился со мной полицейский, и в динамике телефона раздались короткие гудки.

* * *

Разве я могла когда-нибудь подумать раньше, что ожидание может причинять столько нестерпимой боли? Конечно, нет. Сегодня оно превратилось для меня в изощренную пытку, перенести которую было на грани сил. Внутри будто что-то очень важное потерялось, то, без чего не имело смысла жить дальше. Моим легким не хватало кислорода, воздух в квартире словно стал тяжелый и тягучий, вдыхать его можно было лишь короткими и небольшими порциями.

Мне стало известно, как иногда действительно тихо движется время. Я отсчитывала нервными шагами каждую секунду, пройденную ажурной стрелкой по круглому циферблату часов. Незаметное ранее тиканье ходиков стало просто до неприличия громким. Эти удары медленно, но необратимо убивали во мне веру на то, что сын скоро будет найден.

В голове беспрестанно крутились мысли о том, зачем Кирилла похитили, кто это сделал, все ли с ним в порядке, увижу ли я его когда-нибудь. Этот сумбурный вихрь перебивали мои жаркие молитвы: я просила у Бога лишь одно – чтобы он был жив.

Периодически на меня нападало такое дикое отчаяние, от которого нестерпимо хотелось выбежать на улицу и немедленно начать поиски сына самостоятельно. Делать все, лишь бы только не сидеть и не ждать чуда в этой мертвой тишине, разрываемой мерным ходом часов. Но здравый смысл все же отвергал эту идею, в глубине души еще теплилась надежда на скорый приезд оперативников.

Спустя пятнадцать ужасающе долгих минут наконец-то раздался спасительный звонок. Я со всех ног кинулась в коридор и спешно раскрыла дверь. На лестничной площадке толпилось четверо мужчин-полицейских, впереди них стояла женщина массивного телосложения, облаченная в служебную форму правоохранительных органов. Пуговицы на ее кителе в районе груди находились в состоянии огромного напряжения. Непроизвольно у меня в голове появилась мысль о том, что если она внезапно сделает слишком резкий вдох, то они незамедлительно разлетятся в разные стороны.

– Полицию вызывали? – звонким голосом громко поинтересовалась она.

– Да! Помогите, у меня сына украли! – с дикой мольбой в глазах ответила я.

– Следователь Наумова Ольга Павловна, сейчас разберемся, – уверенно ответила полицейский и, отстранив меня в сторону, без приглашения вошла в квартиру. Следом за ней потянулись коллеги. – Куда пройти можно?

– Нужно мужчину искать, он украл! Представился пожарным, а сам напал на меня и Кирилла похитил! – жарко и сбивчиво начала я объяснять ей ситуацию, игнорируя вопрос.

– Давайте для начала заполним протокол, – строго сказала тучная дама. – Процедура такая. Сюда можно?

Она указала пухлой рукой, унизанной крупными золотыми кольцами, на дверной проем, ведущий в комнату. Я по-

давленно кивнула. Стало ясно, что незамедлительно помогать мне в поисках ребенка здесь явно никто не торопится.

Служители порядка прошли в комнату и расположились кто где. Женщина-полицейский села на диван и придвинула к себе журнальный столик. Ловким движением рук она извлекла из своей объемной служебной папки разлинованный лист и ручку, а затем пристально посмотрела на меня.

– Давайте начнем. Назовите ваше Ф.И.О., дату рождения, полученное образование, адрес прописки и проживания. Нужен будет еще ваш паспорт.

– Самойлова Юлия Витальевна, родилась шестого ноября 1989 года, – начала я подрагивающим голосом. – По образованию медицинская сестра, паспорт сейчас принесу.

Я быстро вышла в коридор. Почему-то сразу же возникло ощущение, что в прихожей чего-то не хватает. Не обращая внимания на эти сумбурные чувства, я схватила с напольной вешалки у входа свою небольшую черную лакированную сумочку и вернулась обратно. Трясущимися руками достала оттуда паспорт и отдала документ следователю.

– Да вы присаживайтесь, – не поднимая кудрявой головы с короткими осветленными волосами, обратилась она ко мне. – Замужем?

– Нет, – коротко промолвила я, опускаясь на самый край дивана.

– Почему адрес прописки и проживания разный? – старательно выводя красивые округлые буквы на листе, задала

вопрос женщина.

– Квартира эта съемная, с сыном пока здесь живем, – и, словно оправдываясь, я добавила: – Раньше до работы отсюда удобно добираться было.

Следователь в ответ кивнула головой и продолжила:

– Так, с официальной частью закончили, теперь рассказывайте, что у вас произошло, – она в упор посмотрела мне в глаза, остальные полицейские в стороне тоже притихли. – Постарайтесь вспомнить все как можно подробнее и с самого начала. Я буду записывать.

Я пылко начала свой рассказ о том, как мы с Кирюшей провели этот день до прихода преступника. Дама-полицейский беспрестанно строчила за мной, изредка отрываясь и задавая дополнительные вопросы. Когда дошла до того момента, как я впустила незнакомца, эмоции, словно цунами, захватили меня. Не в силах больше себя сдерживать, я судорожно разрыдалась.

Сотрудники правоохранительных органов вежливо молчали, не перебивая мою истерику. Спустя короткое время я все же взяла себя в руки и, всхлипывая, продолжила рассказывать о случившемся несчастье.

– Опишите потенциального похитителя как можно более детально, – не отрывая руки от письма, попросила следователь. – Может, вы увидели какие-либо особые приметы у него?

Я перечислила ей все то, что мне запомнилось во внешно-

сти лживого инспектора пожарной безопасности, упомянув и про большую родинку на лице.

– Это хорошо, что вы его попросили очки снять, – одобрила она. – Еще постарайтесь вспомнить его данные, написанные в удостоверении. Оно, скорее всего, поддельное, но проверить все-таки стоит.

– Да, сейчас… – я с усилием напрягла свою память. – Ммм… Кажется, Зверев, когда прочитала его фамилию, то еще подумала, что она мне знакома, как у певца.

– Отлично, – похвалила она. – Филимонов, позвони в местное отделение МЧС, узнай, был ли у них сегодня запланирован рейд по квартирам в этом районе. Уточни еще, работает ли у них какой-либо инспектор по пожарной безопасности с фамилией Зверев.

Она отдала распоряжение четко и профессионально. Один из полицейских, долговязый молодой человек с пышной гривой каштановых волос и высоким лбом, кивнул. Нашарив в кармане служебной формы мобильный телефон, он поспешно вышел из комнаты.

— Продолжайте, – обратилась ко мне следователь.

Я рассказала ей всю оставшуюся историю: внезапное нападение лжеинспектора и мое пробуждение после кражи сына.

– Сколько времени вы провели в беспамятстве?

– Где-то около двух часов, точнее не могу сказать, – нервно заламывая пальцы, ответила я. Сидеть на месте и отве-

чать на ее вопросы становилось труднее, я чувствовала, что с каждой минутой мое беспокойство о жизни сына все сильнее обостряется и нарастает, как снежный ком.

– Вы говорите, что при нападении сопротивлялись, – задумчиво произнесла полицейский. – Могли ли вы, к примеру, поцарапать нападавшего?

– Нет, наверное, – подумав, удрученно сказала я. – Он очень крепко держал меня. Пытаясь вырваться, я хватала его за предплечья, но они были закрыты длинным рукавом.

– Преступник был в перчатках? Мог ли он оставить какие-либо следы, отпечатки пальцев?

Я неопределенно пожала плечами. До нападения мнимый инспектор был без перчаток, но я не помнила, что бы он к чему-либо прикасался. Все двери в квартире я открывала ему сама. А что было потом – мне неизвестно.

– Хорошо, – вздохнула представительница закона и обратилась к оставшимся коллегам:– Смирнов и Лабутин, приступайте к осмотру квартиры, внимательно прочешите здесь все, в особенности балкон и детскую кроватку.

Двое полицейских, молчаливо стоявших напротив нас, двинулись с места. Не сговариваясь и не задавая лишних вопросов, они отлаженно принялись за работу. Коренастый сотрудник с блестящей залысиной на голове направился в коридор, а второй – широкоплечий полицейский с густыми светлыми волосами – вышел на балкон.

– Комаров, необходимо опросить всех соседей, может, кто

что знает. Внизу сидит консьержка, ее показания обязательно запротоколируй. Она точно должна была видеть преступника, – женщина отдала приказ последнему коллеге, и он тоже торопливо вышел из комнаты, крепко зажимая в руках потертую папку.

Раздав указания, строгая следователь вновь принялась за допрос.

– Так. Теперь продолжим с вами, Юлия Витальевна. Опишите своего ребенка: возраст, примерный вес, рост и все остальное. Может, у вашего сына имеются какие-либо особенные приметы, по которым его можно опознать?

– Он еще совсем маленький… Одиннадцать месяцев недавно исполнилось… – на глаза снова навернулись непрошенные слезы, а в горле застрял горький ком. – Голубоглазый, волосы русые, кудрявые. Из примет нет ничего особенного… Хотя подождите! На его левом бедре есть небольшая родинка, она совсем крошечная, как точка…

– Сойдет, – коротко кивнула сотрудница полиции. – Кроме ребенка, что-нибудь еще пропало из квартиры? Деньги, ценные вещи?

Я криво усмехнулась. Воровать в моей квартире было нечего. Небольшие денежные сбережения хранились на банковской карточке, сумка с кошельком на месте – вот, рядом на диване лежит. Все в целости. Бытовая техника тоже на месте.

– Вы осмотритесь, может, увидите, что пропало, – пред-

ставительница порядка сказала эту фразу с таким видом, словно торопиться ей было совершенно некуда.

Злоба от чувства собственной беспомощности начала медленно закипать во мне. Мой сын сейчас находится неизвестно где и неизвестно с кем, а я тут сижу и трачу драгоценное время на заполнение каких-то бумажек! Я уже приготовилась высказать ей все свое негодование, но тут что-то щелкнуло в моей голове. В квартире явно пропали кое-какие вещи, и это были не драгоценности.

Я пулей выскочила в коридор, едва не сбив с ног в дверном проеме коренастого полицейского, и остолбенело встала. В тесном проходе пустовало то место, где еще недавно стояла детская коляска Кирюши. Мой взгляд переметнулся на напольную вешалку – яркий болоньевый комбинезон сына и забавная шапочка с ушками исчезли без следа. И как я только раньше не обратила на это внимание?!

– Пропала одежда Кирилла и детская коляска! – вернувшись в комнату, возбужденно воскликнула я.

Следователь отложила ручку в сторону, слегка сморщила широкий открытый лоб и недоуменно произнесла:

– Странно, что похититель решил украсть вашего сына в его же коляске… Слишком просто. Обычно для подобных целей злоумышленники используют автомобиль. Но это нам и на руку… Опишите все пропавшие вещи как можно более детально! – быстрыми движениями она размяла свои пальцы, снова взялась за ручку и выжидательно посмотрела на

меня.

– Коляска детская прогулочная, темно-синего цвета, по бокам оранжевые вставки в виде широких полосок, – нервно затараторила я, стараясь вспомнить все мельчайшие подробности. – Фирма «Бебитон», кажется… Зафиксирована в сидячем положении. Комбинезон из болоньевой ткани зеленый, рисунок в виде мелких серых и синих квадратиков. Шапка серая с коричневыми круглыми ушками, спереди изображена медвежья рожица с пластиковыми глазками. Вроде бы все…

Сотрудница правоохранительных органов удовлетворенно тряхнула кудряшками, не отрываясь от письма. В этот момент в комнату вошел долговязый полицейский.

– Ольга Павловна, в МЧС дозвонился, допросил диспетчера. Никаких рейдов в этом районе не было и не будет. Сотрудник с такой фамилией в штате у них не числится, – бодро отчеканил он.

– Не удивительно, так я и думала, – произнесла женщина, скривив полные, густо накрашенные алой помадой губы. – Вот что, Филимонов! Передай устную ориентировку на преступника и ребенка, а также детскую коляску всем дежурным постам. Объявляем план-перехват. Чуть позже с пострадавшей проедем в отдел и составим фоторобот похитителя.

Она протянула ему бумажный лист, испещренный мелким ровным почерком, и встала с дивана. Пуговицы на ее пышной груди напряглись, но все же остались на своем месте. Я

соскочила следом, как ужаленная, и с мольбой в голосе обратилась к ним:

– Что будет с моим сыном? Его найдут???

– Еще не время паниковать, все необходимые мероприятия в скором времени будут проведены, – обнадеживающе ответила мне дама, второй полицейский опустил голову и быстро удалился из комнаты с ориентировкой. – Обычно младенцев крадут любящие их родственники либо злоумышленники с целью выкупа. Во втором случае они всегда дают о себе знать, а вот что касается первого варианта… Вы в каких отношениях состоите с отцом вашего ребенка?

От ее настойчивого цепкого взгляда я слегка смутилась, а лицо обдало жаром. Я была матерью-одиночкой, и признание этого факта всегда приносило мне некий психологический дискомфорт.

– Ни в каких! Мы расстались с ним, когда я еще была беременна, после от него не было никаких вестей. Он знает, что у него есть сын, но не стремится к общению с нами.

– И все же эту версию стоит проверить в первую очередь. Всяко в жизни бывает, знаете ли… Как вы считаете тогда, у кого есть мотив похищать вашего ребенка?

Я неопределенно пожала плечами. Даже в уме не могла представить себе подобных кандидатов. В этот момент подал голос тот самый коренастый полицейский. Он стоял рядом с торшером и придирчиво разглядывал на нем мелкие засохшие пятна овощного пюре.

– Ольга Павловна! Тут свежие следы неизвестного происхождения в виде брызг, смахивает на кровь. Смывы на анализы надобно бы сделать!

– Приступайте к делу, – дала добро полицейская и в упор посмотрела на меня, приподняв одну тонкую бровь.

– Это брокколи. Кирилл сегодня разлил пюре за обедом, – начала было объяснять я, но тут до меня дошел смысл их диалога. – Вы что, меня в убийстве сына подозреваете???

Если бы я могла испепелять взглядом, то от сотрудников доблестной полиции наверняка бы не осталось и кучки пепла. От ярости меня стала колотить мелкая дрожь. Женщина-полицейский тут же поняла мое состояние и, взяв обеими руками за плечи, легонько встряхнула.

– Успокойтесь, Юлия Витальевна! Это наша задача – прорабатывать все возможные версии. Вас никто ни в чем не обвиняет.

Глядя в ее спокойные серые глаза, я всем телом поникла и опустилась обратно на диван. Злоба внутри меня утихла, уступив место крепкой горечи разочарования. Надежда на то, что полиция все же поможет мне, стала такой невесомой и призрачной, что захотелось завыть в полный голос.

Между тем полицейский с блестящей, словно отполированной лысиной надел на руки прозрачные перчатки, раскрыл свою папку, извлек из нее скальпель и небольшую пробирку. Затем подошел к злополучному торшеру и принялся усердно соскребать острым орудием с ткани мелкие части-

цы, помещая их в колбочку.

Громко хлопнула входная дверь, и спустя несколько секунд в комнате появился запыхавшийся полицейский, назначенный опрашивать возможных свидетелей похищения. По его взволнованному виду было понятно, что ходил он не зря. Меня это немного воодушевило.

– Ольга Павловна, соседей по лестничной площадке нет дома, остальные жильцы ничего подозрительного сегодня не наблюдали. Но вот показания консьержки более чем интересны!

Он протянул исписанный листок пышнотелой даме. Следователь несколько минут внимательно вчитывалась в текст, затем положила бумагу на журнальный столик и с удивлением уставилась на меня.

– Вы знакомы с консьержкой этого подъезда? – задала она мне странный вопрос.

– Ну да, – с недоумением ответила я. – Здороваемся каждый день, когда на прогулку с Кирюшей выходим. Иногда и пообщаться на разные темы можем…

– Пойдемте, – она коротко скомандовала мне и, несмотря на свои объемные формы, довольно быстро и легко зашагала к выходу.

По дороге от квартиры до лифта мы молчали. Я боялась что-либо спрашивать у следователя, словно это могло хоть как-то навредить моей появившейся хрупкой надежде. В тишине, нарушаемой лишь надрывным скрипом подъёмного

устройства, мы спустились вниз.

Старые створки лифта распахнулись. Не теряя времени, мы поспешили к небольшому закутку, расположенному возле выхода из многоэтажки. В обшарпанной будке с большим окном в половину стены несла свой пост консьерж нашего дома – Любовь Петровна.

Милейшая женщина почтенного возраста с увлечением читала газету, не обращая на нас никакого внимания. Ее голова, прикрытая цветастым платком, из-под которого выбивались серебристые локоны, была низко опущена. На кончике носа красовались выпуклые очки круглой формы на толстой веревочке, опоясывающей хрупкую шею.

Полицейская дама демонстративно покашляла, и вахтер тут же поспешно отложила прессу в сторону. Отработанным жестом старушка поправила свои очки и поочередно, с нескрываемым изумлением, оглядела нас. Первой к ней обратилась сотрудница органов:

– Добрый день, я следователь по делу о похищении сына Юлии Самойловой.

– Здрасти, – испуганно кивнула старушка, вжав голову в плечи.

– Мой помощник совсем недавно взял у вас показания. Я с ними ознакомилась и, признаться, была удивлена, – продолжила дама. – Вы знакомы с пострадавшей? – следователь повернулась вполоборота так, чтобы консьержка смогла получше рассмотреть меня.

– А то как же… Я Юленьку знаю уже год где-то, может, больше, как она сюда переехала. Каждый день видаемся, она с ребенком на коляске выходит. А что не так? – нос бабули заострился от любопытства, и она слегка подалась вперед.

– В своих показаниях вы утверждаете, что сегодня видели Юлию Витальевну днем, выходящую из дома с ребенком в коляске, – словно не слыша вопроса вахтера, продолжила следователь. – Я ничего не путаю?

От этих слов мои глаза округлились от удивления.

– Нет, так и было, – утвердительно кивнула вахтер. – Я вашему мальчику уже все рассказала. Ходила Юля гулять с ребёночком после обеда, а вернулась потом одна, где-то через час, но без коляски!

Я просто онемела от шока, волосы неприятно зашевелились на голове.

– Любовь Петровна! Вы наверняка что-то путаете! Этого быть не может, я сегодня никуда не выходила из дома! – горячо воскликнула я, когда обрела дар речи.

– Ничего я не путаю, – оскорбилась старушка. – Ты это была! Пробежала с коляской быстрехонько, даже не поздоровалась. Ну я подумала, мало ли че, человек торопится…

– Опишите женщину, которую видели и приняли за Самойлову,—резко прервала наш диалог следователь.

– Ну так это… Пальтишко ейное было надето, красное… У нас во всем доме оно одно такое, – задумчиво стала перечислять консьерж. – Шляпка черная, из-под нее волосы

светлые Юлькины торчали. Фигура такая же. Лицо, правда, не разглядывала, уж больно быстро пронеслась, что туда, что обратно… Да она это была! Мне врать незачем! И Кирюшка в коляске ихней спал, это точно!

– Хорошо, – спокойно произнесла полицейский. – В течение дня здесь не появлялись сотрудники пожарной безопасности? Или какие-либо другие незнакомые мужчины?

– Нее… Тишина пока, до вечера народ-то работает, – ответила вахтерша и махнула рукой. – А если бы и были, то я всех записываю, кто к кому! У меня все строго!

Тут она с заметной гордостью продемонстрировала нам в окно толстую, расчерченную грифельным карандашом тетрадь с пожелтевшими исписанными страницами.

– Спасибо за информацию, – вежливо поблагодарила бабулю следователь, та в ответ сразу же просияла.

– Да не за што! Я ведь это… работа такая – блюдить!

Сотрудница правоохранительных органов развернулась на каблуках и чеканным шагом направилась обратно к лифту, не дожидаясь меня. В некотором оцепенении от происходящего я поплелась следом.

Мы зашли в лифт. Створки закрылись, кабина натужно заскрипела и, дребезжа, нехотя поползла наверх. Следователь изучающе смотрела на меня несколько секунд, а потом наконец обратилась с вопросом:

– Как вы можете прокомментировать показания свидетельницы?

– Да Любовь Петровна, видимо, умом тронулась! – вспылила я. – У меня ребенка похитили, а она говорит, что я сама с ним уходила! Это невозможно! И пожарник тоже был! Скорее всего, она его не заметила просто!

Сотрудница правоохранительных органов выслушала мою эмоциональную тираду и ничего не сказала в ответ. По ее каменному лицу было невозможно понять, поверила она мне или нет. Я горестно вздохнула и уставилась в исписанную разноцветными маркерами стенку кабинки.

Лифт со скрежетом замер. Его узкие дверцы распахнулись на моей лестничной площадке, и мы поочередно вышли из него. Вперед, словно большой капитанский корабль, устремилась Наумова. Едва она переступила порог моей квартиры, к ней тут же двинулся светловолосый полицейский с отчетом.

– Ольга Павловна, все помещения были тщательно изучены, никаких видимых следов преступления, к сожалению, не обнаружено. По-хорошему нужно бы «пальчики» снять, знать бы только, где…

Женщина остановила его монолог на полуслове жестом пухлой руки: из нагрудного кармана ее кителя раздавалась тихая романтичная мелодия. Она достала мобильный телефон, ткнула в него пальцем с длинным красным ногтем, а затем приложила к уху с массивной сережкой.

– Следователь Наумова, – несколько минут она внимательно, без каких-либо эмоций на лице, выслушивала неви-

димого собеседника, затем проговорила: – Все понятно, выезжаем.

Тучная дама оторвала телефон от уха и сунула его обратно в карман, затем, развернувшись ко мне, спокойно сообщила:

– Нашелся ребенок. По нашей ориентировке все совпадает, нужно ехать в отделение.

Неописуемая волна облегчения накрыла меня с головой. Лихорадочно я схватила следовательницу за руку и взволнованно затараторила:

– Он жив??? С ним все в порядке???

– Да, его жизни и здоровью сейчас ничто не угрожает, – она деликатно высвободилась из моей цепкой хватки. – Необходимо выезжать.

В счастливом забвении я повернулась к вешалке, быстрым движением сняла с нее свое яркое алое пальто, а на шею набросила темно-синий классический платок из нежнейшего турецкого шелка.

– Я готова! – с невероятным воодушевлением сообщила я следователю.

–Обувь не забудьте надеть, – служительница порядка кивком головы указала мне на ноги.

Я посмотрела вниз и вспомнила, что нахожусь в легких домашних тапочках. С необычайной скоростью я поочередно скинула их с ног и быстро напялила черные полусапожки на плоской подошве.

– Ребят! – звонко крикнула женщина-полицейский. – От-

бой! Выезжаем в отделение! Кажись, нашлась пропажа!

Оставшиеся сотрудники высыпали гурьбой в коридор.

– Как хорошо, на ужин к жене домой успею, – мечтательно произнес долговязый полицейский, и широкая улыбка расползлась по его лицу. Остальные мужчины тоже просияли и оживились.

Большой компанией мы вышли на лестничную площадку. Я закрыла квартиру и направилась к лифту. Трое полицейских безоговорочно отправились вниз по лестнице пешком, ну а мы втиснулись в узкую кабинку и стали спускаться следом.

Я не помнила себя от радости, за спиной словно выросли обрезанные крылья! Такие дикие и сумасшедшие эмоции я, наверное, даже никогда и не испытывала в своей жизни. Душу горячо грели мысли о том, что сын жив и здоров, скоро я заберу его домой, и мы забудем все произошедшее, как страшный сон.

Лифт с натужным скрежетом затормозил и дружелюбно раздвинул створки, выпуская нас наружу. Сотрудники правоохранительных органов уверенно двинулись вперед к выходу, я неотрывно следовала за ними.

Любовь Петровна в своей сторожке оживленно подскочила, быстро надвинула на нос очки и стала с явным интересом разглядывать шествующих.

– Удачи, Юлечка! Бог тебе в помощь! – обратилась она мне, я в ответ лучезарно улыбнулась, не чувствуя под собой

ног от счастья.

На улице царила благодатная погода: ласковое солнышко приятно припекало макушку, а по-летнему невесомый ветерок легонько раздувал мои волосы и полы тонкого пальто.

Большая машина оперативников с ярко-синей надписью «Дежурная часть» и мигалками на крыше была припаркована во дворе неподалеку от моего подъезда. Полицейские быстро загрузились в нее, я уселась последняя на задний ряд автомобиля. Строгая следовательница расположилась на переднем сидении рядом с водителем.

Внутри кабины было немного тесно, но я не обращала на это неудобство никакого внимания. В голове сидела лишь одна мысль: я еду за Кирюшей, теперь все будет хорошо… Переживания за сына немного отпустили меня, и от испытанного стресса я почувствовала легкую усталость во всем теле.

За заляпанным окном автомобиля замелькали улицы, дворы, спешащие по тротуарам разномастные прохожие, подростки и школьники с объемными рюкзаками. Беспрестанно сменяли друг друга рекламные вывески различных магазинов и ресторанов. По бокам дороги мигали разноцветными «глазками» светофоры, а в больших светодиодных экранах крутились короткие беззвучные видеоролики.

Спустя примерно десять минут водитель завернул на огороженную высоким железным забором парковку, плавно и аккуратно затормозил. Сотрудники правоохранительных ор-

ганов высыпали из машины. Блондин галантно открыл для меня дверцу машины и подал руку. Несколько мужчин, дружелюбно переговариваясь, отошли в сторонку и закурили, остальные разбрелись кто куда.

– Пойдемте за мной, – обратилась ко мне женщина-следователь.

Вместе с ней мы направились к длинному трехэтажному зданию полицейского участка, у входа в который гордо развевались ведомственные флаги. Внутри, сразу же за дверью по правой стороне, располагалось небольшое, отгороженное решетчатым окном помещение. Там за столом с серьезным видом сидели двое дежурных полицейских. Впереди развернулся узкий коридор с установленным посередине препятствием в виде массивного металлического турникета.

Ольга Павловна извлекла из нагрудного кармана кителя небольшую прямоугольную карточку и приложила ее к электронному табло ограничителя прохода. Турникет дружелюбно пропищал в ответ, пропуская нас вперед. Строгая дама жестом пригласила меня пройти первой, а затем прошествовала следом, на ходу кивая головой своим коллегам в приемной.

Следователь бодро ступала уверенным шагом, точно следуя известному одной лишь ей направлению. В бодром темпе мы поднялись на второй этаж и дошли практически до конца коридора. Женщина повернулась налево и громко постучала в деревянную дверь, затем, не дожидаясь ответа, распахнула

ее.

Перед моими глазами предстал небольшой, скудно обставленный служебный кабинет. В нем вмещалось несколько шкафов, располагающихся вдоль стены, плотно забитых картонными вздутыми папками. Напротив, у узкого оконца, стоял обыкновенный письменный стол с компьютером посередине. Его поверхность толстым слоем устилала различная документация, а в уголке на промасленной картонке ожидал свой час забытый надкусанный кусочек пиццы с розовыми заветренными полосками бекона.

За столом сидел худощавый темноволосый мужчина в светлой рубашке средних лет, он с увлечением что-то быстро печатал на компьютере и словно не слышал, как мы вошли. Ольга Павловна громко кашлянула в зажатый кулак, полицейский тут же повернулся в нашу сторону. На его лице ярко выделялись большие темные глаза и длинный орлиный нос с горбинкой. Мимолетно он резанул по мне острым взглядом и обратил все свое внимание на следовательницу.

– Вот, Руслан Георгиевич, доставила вам Самойлову, – доложила она. – Разбирайтесь с ней дальше сами, а я в дежурку, если что – на связи.

Она передала ему в руки кипу бумаг из своей папки и, развернувшись, так же быстро вышла из помещения. Мужчина отложил документы в сторону и жестом указал мне на деревянный стул, обитый протертой тканью, располагающийся сбоку письменного стола. Я робко присела на самый край.

Некоторое время он копался в разбросанных рядом с компьютером бумагах, а я с колотящимся сердцем выжидательно молчала. Наконец-то он нашел то, что искал,– прямоугольную фотокарточку – и протянул ее мне.

– Узнаете? – низким голосом с хрипотцой спросил он.

На фотографии был изображен мой крошка-сын. Он испуганно таращил свои голубые глазки из украденной коляски, зажавшись в углу.

– Да! Это Кирилл! С ним все в порядке? Где я могу забрать его??? – взволнованно ответила я, мысленно с облегчением выдохнув – сын действительно нашелся.

– С ним все хорошо, – спокойно ответил полицейский и неожиданно добавил: – А вот с вами, видимо, не очень…

Не продолжая диалог, он молча протянул мне какую-то помятую бумагу. Я в недоумении взяла ее и принялась читать. Это было небольшая записка, напечатанная на компьютере. Рассмотрев первые строчки текста, я просто онемела от шока.

Содержание письма было следующим: «Я, Самойлова Юлия Витальевна, добровольно отказываюсь от родительских прав в отношении своего сына – Самойлова Кирилла Олеговича, так как не могу его больше обеспечивать. Я соглашаюсь на лишение меня родительских прав, а также последующее усыновление моего ребенка».

– Это…что? – осипшим от удивления голосом спросила я.

– Это письмо от вашего лица было найдено при мальчи-

ке, в заднем кармане коляски, – полицейский взял в руки карандаш и стал легонько постукивать им по столешнице, не сводя с меня острых глаз. – На подпись посмотрите – ваша?

Я вновь уставилась в злосчастную бумагу и только теперь разглядела в самом низу размашистую закорючку, странно похожую на мою подпись. Меня кинуло в дрожь, руки предательски заходили ходуном, и, чтобы не выдать свое состояние, я бросила записку на стол полицейскому.

– Похожа, но это не моя! Это просто невозможно! Я ничего подобного не писала! – почти срываясь на крик, ответила я ему.

Мужчина аккуратно отложил карандаш в сторону, взял в руки бумагу и убрал ее в ящик стола. Я напряженно смотрела на его профиль в надежде, что сейчас он повернется ко мне и с улыбкой скажет, что все это – лишь глупый и нелепый розыгрыш. Но радовать меня он не торопился, вместо этого он принялся что-то искать в своем компьютере, быстро щелкая мышкой. Спустя пару минут полицейский произнес:

– А как вы это можете объяснить? – и демонстративно повернул ко мне экран, на котором шел безмолвный видеоролик.

Похоже, что запись была сделана у входа в какой-то крупный магазин с большой просторной лестницей, по которой в обе стороны двигались люди. Видео было в цвете, но не лучшего качества. По экрану монитора то и дело пробегала легкая рябь, но рассмотреть происходящее все же было возмож-

но. Несколько секунд не происходило ничего интересного, как вдруг из многолюдного потока мое внимание привлекла женская фигура с коляской, двигающаяся ко входу в здание.

Меня словно укололи огромной острой иглой. Я мгновенно подскочила со своего стула, перегнулась через стол к экрану и стала напряженно вглядываться в него. Коляска была абсолютно точно моей, в ней сидел ребенок в ярко-зеленом комбинезоне. Это был Кирюша! Но кто эта женщина?!

Рассматривая ее силуэт все более пристально, я похолодела. Она как будто была моей второй копией: такая же походка, ярко-алое пальто, черная шляпка и развевающиеся светлые волосы до плеч. Лицо ее было невозможно разглядеть, но со спины можно было запросто подумать, что это иду я. Незнакомка легко поднялась по пандусу с коляской и растворилась среди народа в широком проходе магазина.

– А вот запись с этой же камеры спустя пять минут, – сообщил мне полицейский и, пощелкав мышкой, включил новое видео.

Все тот же ракурс: широкая лестница, наполненная потоком снующих людей. Из дверей магазина поспешно выходит женщина в красном пальто с опущенной головой, но уже без коляски. Она быстрым шагом удаляется влево и исчезает из поля зрения камеры видеонаблюдения.

Полицейский выключил видеоролик, вернул экран компьютера на прежнее место и пристально уставился на меня немигающими черными глазами. Я медленно осела обратно

на стул.

– Ваш сын был найден без присмотра в крупном торговом центре «Лагуна», расположенном в нескольких кварталах от вашего дома, – будничным голосом начал он, словно рассказывал мне совершенно обыденные вещи. – Оставила его предположительно мать, то есть вы. По словам главной свидетельницы – продавщицы мороженого, – незнакомая женщина попросила ее присмотреть за ребенком несколько минут, а затем куда-то пропала. Спустя десять минут после ее исчезновения продавщица заволновалась и попросила объявить о брошенном малыше по громкой связи, но мать так и не появилась. Спустя полчаса она вызвала полицию. При обыске в коляске была обнаружена записка с отказной на ребенка, которую я вам уже показывал. Вашего сына забрали органы Опеки, а поиском нерадивой матери занялись мы. Вот, собственно, и все.

Закончив свою речь, мужчина откинулся на спинку черного офисного стула и похрустел костяшками пальцев, с явным удовольствием разминая их. Я попыталась сказать ему, что это просто какая-то ошибка, но из моего рта лишь вылетали какие-то несвязные слова. Не дождавшись от меня вразумительного ответа, он продолжил:

– Вы сами видели видео. Даже мне сейчас стало понятно, что это были вы. Юлия Витальевна, может, хватит устраивать цирк? – он зло прищурился, поджав губы в узкую линию. – У меня тут и без вас полно работы, есть дела и посе-

рьезнее, чем искать сбежавших мамаш!

Сказав последнюю гневную фразу, он отвернулся к окну, а ко мне наконец-то возвратился дар речи.

– Да что вы себе позволяете! Это была не я! Моего сына сегодня украли, а на видео его похититель! – я чувствовала, что готова вот-вот взорваться от ответной злобы. – Где мой сын?! Я хочу забрать его домой!

Мужчина повернулся ко мне, окатив ледяным презрительным взглядом и, ничего не отвечая, поднялся со стула. Он обошел меня кругом и снял служебный китель черного цвета с напольной вешалки, стоящей у окна.

– Пойдемте со мной, – коротко и без эмоций бросил он, на ходу надевая форму.

Я резво поднялась со стула и вышла из кабинета. Полицейский закрыл помещение на ключ, и мы в полном молчании спустились вниз по узкой лестнице. Выйдя на улицу, оперативник направился к припаркованному легковому автомобилю белого цвета без опознавательных знаков полиции. Машина дружелюбно поприветствовала его, помигав фарами.

– Садитесь, – приказал он мне, открывая для себя водительскую дверцу.

Я послушно распахнула переднюю пассажирскую дверь и села вовнутрь. В салоне машины было очень чисто, в воздухе витал невесомый, но приятный аромат хвои. На середине передней панели сидел милый игрушечный мопс, забавно

покачивающий подвижной головой. Полицейский завел автомобиль, и мы тронулись с места в неизвестном для меня направлении.

Мы молчали. Забавный щеночек мерно и без устали кивал мордочкой вверх и вниз в такт неспешной и аккуратной езде. Я неотрывно смотрела на него, словно под гипнозом, не замечая ничего вокруг, и пыталась осознать случившееся. В голове царил полнейший сумбур. Невероятные и нелепые мысли о странном похищении Кирюши перебивали одна другую. Казалось, что все произошедшее – лишь мой ночной кошмар. Сейчас я просто проснусь и этот ужас закончится…

Автомобиль медленно затормозил, слегка поскрипывая, и я вернулась в реальность. Ничего не изменилось. Я не проснулась. Рядом сидел все тот же угрюмый полицейский, он кивком головы указал мне, что нужно выходить из машины.

С первого взгляда на окружающую территорию я поняла, куда мы приехали. Это был тот самый торговый центр, где нашли моего сыночка. Сотрудник полиции пошел вперед к широкой лестнице, устланной сверкающим чистотой темно-синим кафелем. Я двинулась следом за ним.

Вокруг суетился народ. Все куда-то спешили, норовя потолкаться, но мне было все равно – я смотрела лишь на широкую прямую спину полицейского, идущего передо мной.

Мы вошли в просторный, хорошо освещенный холл первого этажа и двинулись вглубь торгового центра. Вокруг

сверкали манящими огоньками многочисленные витрины бутиков одежды с реалистичными манекенами. В элитных магазинчиках сияли неотразимым блеском драгоценности на прозрачных тумбах. Улыбчивые и ухоженные девушки отовсюду приглашали нас на демонстрацию новых духов, косметики и прочей не нужной мне ерунды. Витающий в воздухе соблазнительный запах коктейля из различного парфюма перебивал насыщенный аромат кофе и сладкой ваты.

Наконец спустя пару минут полицейский замедлил свой ход. Он остановился у небольшого яркого островка в виде нескольких стеклянных витрин-холодильников с разноцветным мороженым, замысловато выложенным в лотках. Рядом с торговым оборудованием стоял большой боди-стенд улыбающегося и счастливого пингвина с красивым рожком холодного лакомства, зажатого в крыльях.

При нашем приближении откуда-то снизу прилавка внезапно вынырнула молодая девушка с наклеенной улыбкой на веснушчатом лице. Она была одета в чистенький белоснежный фартук с оборками, на голове надвинут чепец того же цвета, из-под которого выбивалась короткая рыжая челка.

– Мороженого не желаете?! – бодро предложила она, но, рассмотрев мужчину внимательнее, перестала наигранно улыбаться. – А… это вы.

– Добрый вечер, – сказал ей полицейский. – Вы не заняты?

– Нее… Покупателей пока нет. Вы нашли мамашку-то? – она с явным любопытством выглянула из-за плеча мужчи-

ны и увидела меня. В этот же момент ее лицо перекосила гневная осуждающая гримаса. – Что же вы, женщина?! Разве так можно??? Попросили пять минут за ребенком присмотреть, а сами сбежали?! Где это видано? У меня вся работа из-за вас встала, полицию пришлось вызывать! Ладно хоть начальство пока ничего не знает о происшествии, а то ведь и уволить могут!

Я растерялась от неожиданности. Кажется, я начинаю сходить с ума или все вокруг меня участвуют в каком-то странном заговоре. Выйдя из тени полицейского, я, взяв себя в руки, как можно спокойнее ответила нервной продавщице:

– Девушка, вы меня с кем-то путаете. Посмотрите, пожалуйста, повнимательнее. У меня ребенка сегодня похитили, – она недоверчиво уставилась на меня, уперев руки в бока.

– Так вы же сами его мне оставили! Сказали, ненадолго в туалет сходите, ну я, дура, и поверила! А вон оно что вышло, если хозяин узнает, мне не поздоровится! – она обиженно надула пухлые губы и полушепотом обратилась к полицейскому: – Навроде она будет, лицо я, правда, не особенно разглядывала, но по фигуре и внешнему виду – точно!

Я поняла, что спорить с этой девицей совершенно бесполезно, и с надеждой обратила все свое внимание на сотрудника полиции. Он сделал вид, что не замечает мой взгляд, поджав тонкие губы. «Мне никто не верит!»– с отчаянием подумала я.

– Извините за беспокойство, – вежливо сказал он продавцу, та безразлично махнула рукой. – Пойдемте, Юлия Витальевна, к машине!

Мы направились в обратную сторону. Почему-то именно сейчас, идя рядом с полицейским, я стала себя очень неловко чувствовать, словно и вправду совершила какое-то преступление. Мне казалось, что все на меня как-то по-особенному смотрят: и работники торгового центра, и незнакомые встречные прохожие.

На улице стали сгущаться первые легкие сумерки. Народу стало еще больше – по всей видимости, наступил вечерний час-пик. Загрузившись в автомобиль, мы двинулись в противоположную сторону от полицейского участка. Во мне снова проснулась робкая надежда на то, что мы едем за Кирюшей, но спросить об этом напрямую я не решалась.

В голове роились бредовые мысли. А может, действительно это похищение – лишь плод моей фантазии? И я сама бросила Кирилла, решив начать новую жизнь без него? Ведь не раз в трудные моменты внутри себя я осознавала, как тяжело воспитывать ребенка одной, не имея никакой поддержки. Может, мой разум на время отключился, разыграв со мной злую и жестокую шутку, а тело все сделало само? Да нет, этого просто быть не может!

Я стала отгонять пугающие мысли прочь и решила сосредоточиться на показаниях рыжеволосой девушки. Может, все-таки мне удастся найти в них какую-нибудь малейшую

зацепку. Я проигрывала ее слова внутри себя вновь и вновь, но ничего существенного так и не уловила. Ясно одно – она твердо уверена, что ребенка бросила именно я.

А что же полицейский? Он с ней полностью солидарен. Сотрудник правоохранительных органов даже записывать в протокол ее слова не стал, видимо, вся эта встреча была чисто демонстративной для меня. Еще в участке мужчина честно признался, что копаться во всем этом не намерен, у него есть дела и посущественнее. Голова шла кругом. Я горестно вздохнула и закрыла глаза.

– Приехали, – его равнодушный голос прервал мои тяжкие раздумья.

Я вышла из машины и осмотрелась. Мы припарковались возле небольшого больничного городка, состоящего из нескольких невысоких корпусов серого цвета. Неужели мы приехали за Кириллом?! Теплая волна ликования целиком захлестнула меня от макушки до пят и ушла, оставляя после себя приятное покалывание в конечностях.

Полицейский направился к ближнему двухэтажному кирпичному зданию, на котором большими буквами красовалась надпись «Скорая помощь». Я с нетерпением последовала за ним, мысленно представляя себе, как сейчас крепко обниму сыночка и больше никогда не отпущу его.

Мы зашли внутрь, в нос сразу же ударил резкий запах медикаментов. В скорой помощи царила суматоха: медбратья и медсестры в нежно-зеленых халатах с серьёзным видом то

и дело сновали по длинному коридору. На простых деревянных лавках, стоящих вдоль стен, в ожидании сидело несколько человек. Среди них выделялась веселая ярко накрашенная девица, без устали жующая жвачку.

Из одной распахнутой настежь палаты доносился хриплый забористый мат, голос был мужской. По всей видимости, его обладатель был изрядно пьян. После каждого произнесенного им нецензурного слова девушка на скамье нелепо хихикала и подталкивала локтем парня, сидящего в утомленной позе рядом с ней.

– Нам сюда, – скомандовал полицейский и завернул в приемный покой. – Добрый вечер, девушки! Нам необходимо провести медицинское освидетельствование.

В хорошо обставленном и просторном помещении находилось несколько женщин-медиков в светлой форме. Одна из них – диспетчер – неотрывно отвечала на телефонные звонки и тут же по другому аппарату раздавала команды каретам скорой помощи. Вторая молодая девушка, не поднимая головы, что-то спешно писала в толстой больничной карточке. На обращение сотрудника полиции отозвалась лишь третья женщина средних лет. Не спрашивая ничего, она молча порылась в низкой тумбе около двери и достала оттуда пластиковый стакан для сдачи анализов с яркой красной крышкой.

– Держите, – она протянула мне емкость. – Туалет в конце коридора направо. Принесете потом анализы мне.

Я в недоумении взяла стаканчик в руки и обратилась к полицейскому с вопросом:

– Это зачем еще?

– Так надо, – коротко и нетерпеливо ответил он мне. – Давайте не будем тратить время, жду вас здесь.

Мы вышли из приемного помещения. Мой конвоир встал, как вкопанный, рядом с дверью, а я нехотя поплелась по указанному медиком направлению.

– Ну че, подруга, тоже за рулем попалась, а? – с ехидной ухмылкой обратилась ко мне размалеванная девушка.

Я ничего не ответила ей, продолжая идти вперед. Девица надула большой пузырь из жвачки, и он звонко лопнул, на что она опять захихикала и снова ткнула своего вялого спутника в бок.

В туалете скорой помощи, несмотря на то что это все-таки больница, было грязно. Я зажала нос от неприятного запаха аммиака и попыталась смыть содержимое ржавого унитаза, но слив не работал. Кое-как выполнив поставленную предо мной задачу, я, побрезговав открывать дверь за ручку, толкнула ее плечом и вышла наружу, держа на расстоянии впереди себя емкость с мочой.

Девушка с парнем куда-то исчезли, прекратилось и несвязное бормотание хмельного пациента. В больничном коридоре стало тихо. Полицейский стоял, прислонившись у стены, со скучающим усталым видом ожидая меня. Я отдала баночку со своими анализами медсестре и, торопливо выйдя

из приемной, обратилась к нему:

– Это все? Теперь я могу забрать своего ребенка?

Он немного помолчал, внимательно разглядывая носки своих служебных ботинок, а потом нехотя ответил:

– Юлия Витальевна, я ведь уже говорил вам, что вашего сына забрали органы Опеки. Теперь его законные интересы представляют именно они.

– Скажите, куда мне обратиться?! – я с мольбой в голосе крепко вцепилась в его рукав. – Пожалуйста!

– Сейчас уже поздно. Все бюджетные учреждения давно закрыты, – он осторожно высвободил свою руку. – Поедете к ним завтра, адрес я сообщу.

– А как же мой сын? Как он будет без меня целую ночь?! – я просто не представляла себе, как мой малыш будет спать один в незнакомом месте. От мыслей о том, как ему сейчас страшно и одиноко, на моих глазах выступили слезы.

– Не волнуйтесь, он под присмотром врачей, ему ничто не угрожает, – спокойно произнес полицейский. – Довезти вас до дома?

Я удрученно кивнула. Собравшись впопыхах, я не взяла с собой даже денег на такси. Мы вышли из больницы, сели в автомобиль и поехали по ночному городу в сторону моего дома. Водитель время от времени устало потирал глаза, а я отрешенно смотрела в пыльное окно.

Спустя примерно десять минут он остановился напротив моего двора, достал из бардачка небольшой блокнот и ручку.

Нацарапав что-то на листке, мужчина оторвал его и протянул мне.

– Вот адрес, где располагаются органы Опеки и попечительства по нашему району. Обратитесь к ним завтра.

Я еле слышно поблагодарила его и вышла из машины, крепко зажав бумагу в ладони. Поднявшись на свой этаж, я открыла квартиру, включила свет в коридоре и зашла внутрь. Меня встретила непривычная мертвая тишина. Квартира словно опустела, стала неприветливой и холодной.

Внутри меня молотом билась мысль: «Сына нет дома!!!». Чувствуя собственную беспомощность, я в голос разрыдалась и сползла по двери на пол. Спустя какое-то время на меня накатила неудержимая яростная злоба. Я соскочила, сорвала с себя злополучное пальто и стала изо всех сил топтать его ногами. Выплеснув всю негативную энергию, я отпихнула в сторону жалкую бесформенную тряпицу с пыльными следами, сняла сапоги и прошла в комнату.

Все кругом напоминало о ребенке. Я подошла к детской кроватке, бережно взяла в руки мягкое одеялко сына и прижала его к груди. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни дышать. Кое-как добрела до дивана и повалилась на него без сил прямо в одежде. Я поднесла детское одеяло к лицу и, вдыхая оставшийся сладкий запах малыша, провалилась в тревожный темный сон.

***

Я открыла глаза и непонимающим взглядом окинула ярко освещенную солнцем комнату. Почему Кирюша все еще спит, он ведь всегда будит меня рано? Как ужаленная, я соскочила с дивана и побежала к детской кроватке. Где-то на полпути я остановилась, словно споткнувшись: сына там нет. Весь ужас вчерашнего дня отрывистой кинолентой развернулся у меня в голове. Нужно немедленно собираться и ехать за Кириллом!

Почти бегом я кинулась в ванную комнату приводить себя в порядок. Сегодня мне просто необходимо выглядеть хорошо. Наскоро ополоснувшись под душем, я высушила свои светлые, слегка вьющиеся волосы под горячей струей воздуха из фена. Затем достала давно забытую небольшую косметичку из глубины настенного шкафа. Выудила оттуда маленькую палетку теней нежных нюдовых оттенков, тюбик с черной тушью и блеск для губ.

Глядя на себя в зеркало, я спешно нанесла на веки светло-бежевые, почти незаметные тени. В несколько подкручивающих движений накрасила ресницы густой темной тушью. Взгляд моих светло-синих глаз сразу же непривычно преобразился, стал более глубокий и выразительный. Последний штрих – скользнула по пухлым губам роликом прозрачного блеска, приятно пахнущего карамельками.

Я выскочила из ванной комнаты в коридор, обернутая в большое махровое полотенце. Здесь находился длинный хозяйский шкаф, такой же старый, как и тумба напротив, в нем

хранились все мои вещи. Я извлекла из его недр легкую классическую блузку мятного цвета с отложным воротничком и черные узкие брючки. Тут же скинув с себя полотенце, впопыхах натянула одежду.

В принципе, я готова, осталось лишь заказать машину к дому. Добираться на общественном транспорте сегодня просто не смогу – нервы не выдержат. Мобильный телефон лежал на журнальном столике в комнате, там же находился и листочек с адресом Опеки. Я позвонила диспетчеру службы такси и сообщила, куда нужно подъехать. Забросила в свою черную сумочку все необходимые вещи и двинулась к выходу.

Любимое мною до вчерашнего дня пальто теперь яркой безобразной кучкой валялось на полу рядом с вешалкой. Я даже смотреть на него не могла – моментально вспоминалась та женщина, из-за которой у меня возникло столько проблем. Но надевать что-то поверх моего наряда было все-таки необходимо. Я снова открыла шкаф, порылась в нем и достала оттуда теплый кардиган из плотной темно-синей ткани.

Быстро набросила удлиненный пиджак на плечи, натянула на ноги полусапожки и подошла к двери. У выхода на стене чуть выше тумбы висело небольшое круглое зеркало, я мимолетом взглянула в него. Привлекательная блондинка с большими голубыми глазами в отражении небрежным жестом взбила волосы рукой, дружелюбно улыбнулась мне и подмигнула: «У тебя все получится!».

Не чувствуя под собой ног, я вышла из дома и пустилась бегом вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Возле подъезда уже стояла синяя иномарка с яркими «шашечками» такси на крыше. Я села в автомобиль и продиктовала водителю адрес с помятого клочка бумаги. Полный мужчина за рулем кивнул мне в ответ головой и, сделав радио чуть громче, неспеша двинулся вперед.

Всю дорогу я нервно стискивала пальцы и прикусывала губы, сгорая в муках неизвестности. Что меня там ждет? Смогу ли я вернуть сына домой? От мысли, что у меня ничего не выйдет, в груди сразу же начинало нестерпимо щемить сердце. Поминутно я поглядывала на электронные часы в мобильном телефоне. Большие цифры на экране показывали половину десятого. Быстрее бы уже приехать!

Наконец-то водитель свернул с оживленной дороги и остановился напротив двухэтажного здания из красного кирпича.

– Приехали, – он повернулся ко мне с выжидающим видом. Я извлекла из кошелька пару купюр и, не дожидаясь сдачи, выскочила из автомобиля. Мужчина с довольной улыбкой на круглом лице тут же надавил на газ и исчез из поля моего зрения.

Я глубоко вдохнула в себя прохладный осенний воздух и направилась к лестнице у здания, крепко сжимая в руках сумку. Низкое солнце грело, но уже не так жарко, как вчера. Под ногами приятно похрустывали тоненькие жел-

то-красные листочки высоких оголившихся кленов, насаженных вдоль дорожки.

Внутри здания было тепло. Рядом со входом в помещение располагался просторный светлый кабинет с распахнутой настежь дверью. Неподалеку на стене висела золотистая табличка с нанесенными черными буквами «Приемная».

– Добрый день! – робко поздоровавшись, я нерешительно вошла в помещение.

За высокой изогнутой стойкой сидела молодая светловолосая девушка с замысловато заплетенными косами на голове. Она с интересом посмотрела на меня и произнесла ярко накрашенными губками:

– Добрый день. Вы к кому?

– Девушка, у меня вчера ребенка украли… – сбивчиво начала я. – Потом выяснилось, что полиция его в органы Опеки передала… К кому можно обратиться по этому вопросу?

Она немного поразмыслила, а потом звонко прощебетала:

– Вам, скорее всего, к Эмме Петровне Богдановой нужно, она в двенадцатом кабинете сидит на втором этаже.

Я поспешно поблагодарила секретаря, вышла из кабинета и быстрым шагом двинулась к просторной лестнице напротив, ведущей на второй этаж. Наверху было тихо и безлюдно. Я принялась разглядывать таблицы с нумерацией кабинетов и спустя пару дверей наткнулась на нужную. Осторожно постучав, я заглянула внутрь:

– Здравствуйте, можно?

В середине помещения располагался длинный стол, за которым восседала коротко стриженная темноволосая дама в ядовито-зелёном брючном костюме. Фигура ее была стройной и подтянутой, сначала мне даже показалось, что она моя ровесница. Но, приглядевшись внимательнее, я увидела сетку мелких морщин на ее красивом накрашенном лице, выдающем истинный возраст. Женщина что-то быстро писала на бумаге. Увидев меня, она отложила ручку в сторону, сцепила пальцы в замок на столе и кивнула головой:

– Заходите.

Я на ватных ногах прошла в кабинет и без приглашения уселась напротив специалиста. Та вопросительным и в то же время холодным взглядом уставилась на меня из-под узких очков-половинок в модной оправе.

– Эмма Петровна, – глубоко вздохнув и набравшись смелости, начала я, – Я мама Самойлова Кирилла. Моего сына вчера похитили, потом он был найден в торговом центре, полиция сообщила, что теперь ребенок находится у вас. Все это какая-то ужасная ошибка…

– Ошибка, говорите? – надменным тоном перебила меня женщина, приподняв узкую бровь. – Я так не думаю.

Она похлопала по белой картонной папке, лежащей в углу стола.

– Я хорошо ознакомилась с материалами дела, переданными мне сегодня утром полицией. Почитала показания свидетелей, посмотрела на результаты ваших анализов… – она

сделала небольшую паузу и продолжила, сверля меня сердитым взглядом:– И вот что мне стало абсолютно понятно: мать-наркоманка под кайфом бросает сына, пишет отказную, а потом, придя в себя, понимает, что она натворила. Вызывает полицию и рассказывает сотрудникам правоохранительных органов о каком-то совершенно невероятном похищении, надеясь все поправить. Ошибки здесь никакой нет.

Закончив свою тираду, она с удовлетворенным видом откинулась на мягкую высокую спинку офисного стула и с хищной полуулыбкой стала наблюдать за моей реакцией. От ее слов я, мягко говоря, обомлела и тут же возмутилась:

– Что вы такое говорите? Я не наркоманка и моего сына действительно похитили!

Сотрудница Опеки встала и, поцокав высокими каблуками, подошла к большому окну, заставленному разнокалиберными горшками с комнатными растениями.

– Юлия… эм… как вас там?

– Витальевна, – подсказала я ей.

– Юлия Витальевна, давайте оставим всю эту вашу театральность до суда, мне она совершенно ни к чему. Вы сами-то верите в тот бред, который несете? – женщина взяла в руки крупный светло-зеленый овальный лист ближайшего к ней цветка и погладила его блестящую глянцем поверхность. – Вам и без меня прекрасно известно, что экспертиза показала наличие наркотиков в вашем организме.

Меня словно ударило током. Какие еще наркотики??? Что

вообще происходит???

– Где мой сын?! Я хочу забрать своего ребенка! – потеряв тонкую грань внутреннего равновесия, я почувствовала, как мое лицо заполыхало.

– Ребенка вам никто не отдаст, – хладнокровно объявила мне собеседница. – Более того, в ближайшее время наши юристы выступят в суд с иском о лишении вас родительских прав!

Я подорвалась со стула и уже была готова вцепиться в ее наглую рожу, но с огромным усилием сдержала свой порыв.

– Вы не имеете права забирать у меня ребенка! Верните его немедленно!

– Еще как имею, – зло прищурив глаза, прошипела женщина. – Согласно статье 77 Семейного кодекса я наделена такими полномочиями. В случае если жизни ребенка грозит опасность, а с такой мамашей, как вы, это вполне вероятно, его изымают из семьи до суда. Ну а там уже судье доказывайте, какая вы мать! – она махнула рукой на дверь и отвернулась от меня, всем видом показывая, что разговор окончен.

– Подождите! – осознав всю серьезность ситуации, я моментально остыла и с мольбой обратилась к ее спине. – Могу я хотя бы увидеться со своим сыном???

Она нехотя обернулась и процедила сквозь зубы:

– Можете. Ребенок находится в детской больнице на улице Тимирязева. А теперь прошу вас выйти, мне работать нужно.

Я словно в тумане поплелась к двери и на негнущихся но-

гах спустилась вниз по лестнице. От полученной информации все мысли в моей голове смешались в вязкую кашу. Что вообще происходит?! Кому и зачем все это надо? Не знаю, кто и для чего замыслил этот дьявольский сценарий, но Кирюшу нужно обязательно вернуть домой!

Богданова упомянула, что будет суд. Только там будет решено, отдадут мне сына или нет, а до тех пор я смогу лишь навещать его. Господи, за что мне все это? В чем я так сильно провинилась и почему от этого страдает мой ребенок? Одни вопросы…

В горьких раздумьях я вышла на улицу и поплотнее запахнула кардиган. Сейчас не время паниковать, нужно ехать к Кириллу и успокоить его. Наверняка ему там страшно и одиноко, ведь раньше он никогда не оставался с посторонними людьми. Необходимо взять себя в руки, иначе ничего хорошего не выйдет.

Неподалеку от здания Опеки я заметила автобусную остановку и почти вприпрыжку добежала до нее. Под пластиковым козырьком на узкой деревянной лавке сидела одинокая старушка, опираясь на толстую витую трость. Все ее внимание было сосредоточено на дороге, видимо, ожидала подходящий транспорт.

– Простите, а вы не подскажите, какие автобусы идут до детской больницы на улице Тимирязева? – обратилась я к ней, зябко поежившись от порыва холодного ветра.

Бабушка взглянула на меня своими блеклыми глазами, и

на ее лице, испещренном глубокими морщинами, расползлась добродушная улыбка.

– Дак вон семнадцатый идет, тебе в него садиться надо, – прошамкала она беззубым ртом.

Я повернулась в сторону дороги. К остановке действительно медленно приближался длинный ярко-желтый автобус, похожий на гигантскую гусеницу. Вверху на лобовом стекле была прикреплена табличка с крупными цифрами «17». А у старушки, несмотря на ее возраст, отличное зрение.

– Большое вам спасибо! – я сердечно поблагодарила ее, та в ответ покивала, обнажая в улыбке светлые розовые десна.

Я спешно забралась в полупустой салон. Ко мне тут же вальяжной походкой направилась зевающая женщина-кондуктор, на поясе у которой болтались многочисленные рулоны билетов и позвякивающая мелочью сумка. Расплатившись за проезд, я уточнила у нее, действительно ли этот автобус идет до нужного мне места, и получила утвердительный ответ.

Ехать пришлось довольно долго, так как почти каждые три минуты автобус тормозил на остановках, наполняя салон новыми пассажирами. Я глядела невидящим взглядом в мутное окно и думала о встрече с сыном. Чья-то рука легла мне на плечо. Я, вздрогнув, моментально повернулась назад. Это была кондуктор.

– Следующая остановка ваша, – предупредила она меня и прошествовала к голове автобуса.

Я поспешно вскочила с потертого сидения и встала у двери, держась за холодные металлические поручни. Наконец-то по правой стороне дороги показалось большое здание больницы, огороженное высокой сеткой-забором. Автобус затормозил возле небольшого закутка остановки, сплошь обклеенной рекламой. Меня резко качнуло вперед, а потом назад, двери с шипением распахнулись, и я выскочила на улицу.

Больничный городок состоял из нескольких корпусов. По асфальтированной дорожке я вошла на его территорию и остановилась напротив огромного информационного щита. Детское отделение располагалось в самом дальнем здании, я поспешила к нему, следуя табличкам-указателям.

Вокруг нужного мне корпуса было немноголюдно. На входе стояли, громко переговариваясь и хохоча, две женщины в просторных темных куртках, из-под которых торчали светлые медицинские халаты. Неподалеку неторопливо прогуливалась женщина с ребенком дошкольного возраста.

Запыхавшись, я буквально влетела в двери. Работницы больницы на миг притихли, провожая меня неодобрительными взглядами. Внутри помещение было довольно обветшалым: облупленная краска на стенах местами оголяла пожелтевшую штукатурку, линолеум на полу кое-где был протерт почти до дыр. Несмотря на это видимое неблагополучие, всюду было чисто.

В холле за столом сидел подтянутый охранник среднего

возраста, он увлеченно просматривал какой-то пестрящий яркими картинками журнал. На меня, как, собственно, и на мое приветствие, он не обратил никакого внимания.

Я прошла по длинному коридору и довольно быстро наткнулась на закрытые деревянные двери, на которых висело какое-то объявление. Распахнув одну створку, я увидела еще один коридор, но, в отличие от предыдущего, он был наполнен снующими повсюду детишками разного возраста. Значит, я не ошиблась и пришла по верному адресу. Сейчас я увижу своего ненаглядного сыночка! От этой мысли внутри что-то приятно защекотало и стало тепло. Но едва я ступила за порог, меня остановил сердитый грубый голос:

– Ну и куда это мы собрались??? – рядом неизвестно откуда материализовалась тучная женщина с ведром и шваброй в руках. Ее брови были грозно сдвинуты, а темно-карие глаза метали молнии. – Читать-то, что, совсем не умеем? По-русски же написано: КА-РАН-ТИН!

Я на секунду растерялась, едва не выронив из рук сумку, но тут же спохватилась и принялась объяснять санитарке:

– Женщина, у меня здесь сын маленький один, мне разрешили прийти.

Та отставила свои рабочие атрибуты в сторону, уперла руки в бока и громко заорала в глубину коридора:

– Ка-а-ать!!!! От заведующей сегодня были указания на пропуск???

– Не-е-еа, – послышался вялый протяжный ответ. Следом

за бесцветным голосом в коридор со скучающим видом откуда-то сбоку выплыла и сама его обладательница в медицинском халате. В руках у нее было спелое надкусанное яблоко. Смачно жуя его, она кивнула в мою сторону: – А это кто?

– Дак вот, пришла тут, говорит, что можно ей пройти, – продолжила разговор с медсестрой санитарка так, словно меня нет рядом.

– Подождите, женщины, вы не понимаете! – я была просто обескуражена. – Кирилл Самойлов здесь находится?

– Ааа… Дак это та мамашка, которая ребенка в магазине бросила! – просияла уборщица, затем повернулась в мою сторону и надменно-оценивающим взглядом окинула меня с ног до головы. – А выглядит вроде нормально… Видать, сейчас все поголовно наркоманят!

Мне уже порядком надоел этот бессмысленный разговор. Я решительно шагнула в коридор.

– Куда это??? Нельзя! – массивная женщина перегородила мне путь.

– Мне можно! – я попыталась безуспешно протиснуться мимо нее. – Позовите сюда главного!

– Не велено никого пускать! Карантин у нас! – повышенным тоном, не терпящим возражения, ответила она и слегка подалась вперед обширной грудью. Мне пришлось немного отступить назад.

– Егоровна, зови охрану! – она с явным раздражением в голосе вновь обратилась к меланхоличной медсестре, кото-

рая, аппетитно хрустя яблоком, неспешно двинулась вперед.

Я поняла, что действовать нужно немедленно, иначе меня сейчас попросту выгонят из отделения. Резко нырнув под рукой полной санитарки, я проворно выскочила сзади нее и, петляя как заяц, проскочила мимо зазевавшейся медички. От неожиданности они обе сначала замешкались, а потом заголосили и бросились вслед за мной.

Шумные ребятишки в коридоре притихли и испуганно прижались по стенкам, а я, словно вихрь, понеслась вперед, вопя во все горло:

– Кирюша!!! Где ты?!

Сзади раздался оглушительный грохот, я на бегу оглянулась: тучная уборщица, громко охая, растянулась на кафельном полу. Вторая моя преследовательница поспешила ей на помощь. Ну а я мысленно поблагодарила бога за полученную фору.

Кровь неистово застучала в висках, заглушая все окружающие звуки. Что есть силы я ринулась по коридору, на ходу распахивая все попадающиеся палаты в надежде увидеть сына. Одна дверь, вторая, третья – все не то!

Обитатели больничных покоев на мое неожиданное вторжение реагировали по-разному: кто-то пугался, а кто-то и дальше продолжал заниматься своими делами. На поднявшийся шум в коридор стало высыпать все больше пациентов, что затруднило мои поиски.

– Где мой сын?! Кирилл Самойлов??? – я схватила за руку

какую-то подвернувшуюся девчушку лет пятнадцати в хлопковой пижаме, но та лишь испуганно пожала плечами и отскочила в сторону.

Впереди еще одна дверь в палату. «Сейчас, сейчас. Потерпи, сын, я найду тебя!» Я схватилась за ручку, готовясь распахнуть ее, но внезапно сзади кто-то с силой сбил меня с ног. Я мгновенно потеряла равновесие и повалилась на пол, больно ударившись коленками. Сверху, тяжело дыша, навалилось чье-то тело, обездвиживая меня.

С минуту я яростно барахталась, пытаясь выбраться из-под него, но вскоре поняла, что это невозможно, и обмякла. Туша сдвинулась, и, повернув голову, я увидела позади себя того самого охранника, который еще недавно сидел на входе в отделение. Он довольно грубо заломил мне руки за спину и с отдышкой прохрипел:

– Не вздумай брыкаться, иначе применю силу! Вставай давай!

Я подчинилась его приказу и кое-как поднялась на ослабевшие ноги. Вся моя энергия куда-то мигом испарилась, оставив огромный горький комок разочарования в груди. Мужчина крепко сцепил мои запястья сзади и повел к выходу, словно преступницу.

Дети и их родители, находящиеся в больнице, отовсюду таращились на меня с нескрываемым любопытством. От их перешептываний мое лицо тут же залило стыдливым жаром, а щеки окрасились в пунцовый цвет.

Примерно на середине пути к нам присоединились запыхавшаяся медсестра и воинственная санитарка. Глаза последней сотрудницы больницы лихорадочно горели торжествующим победным блеском.

– Че, вообще дура, да?! – с едва сдерживаемой яростью обратилась она ко мне. – Сказали же – нечего здесь делать! Нет, вы посмотрите на нее! Точно наркоманка!

Я молчала, опустив взгляд в пол. Пусть эта хабалистая тетка болтает, что хочет. Уборщица, видимо, раззадорившись тем, что я ей не отвечаю, громогласно продолжила свою тираду. Наконец медсестра шикнула на нее, и та недовольно замолчала.

Вместе с охранником мы вышли из детского отделения и прошли в холл. Только там он отпустил меня и коротко сказал:

– Сейчас заведующая подойдет.

Я стала разминать затекшие кисти рук. В душе все противно ныло от безнадежности: теперь мне точно не дадут увидеть сына. Стараясь не поддаваться преждевременной истерике, я стала себя успокаивать. Может, все-таки врач сжалится надо мной и разрешит мне провести с Кирюшей хотя бы пару минут?..

Спустя примерно полчаса громко хлопнула уличная дверь, и в холле, громко цокая каблуками, появилась высокая холеная женщина примерно тридцати пяти лет. Она была одета в шикарное бордовое пальто, отороченное пыш-

ным натуральным мехом. Прическа, не тронутая ветром, безупречно уложена, на лице яркий и выразительный мейкап. Она окинула меня изучающим взглядом и обратилась к охраннику:

– Это она?

– Да, Милена Владиславовна. Задержана за незаконную попытку вторжения, полицию до вашего прихода вызывать не стал… – заискивающим тоном ответил он ей.

– Хорошо, пройдемте со мной, – обратилась ко мне заведующая.

Мы пошли по уже знакомому мне пути, но в отделение заходить не стали. Вместо этого врач повернулась налево и открыла ключом неприметную дверь, которую я не видела раньше. Войдя внутрь, мы очутились в еще одном коридоре, но уже более узком и затемненном.

Пройдя несколько метров вперед, женщина побрякала ключами и распахнула дверь в светлый кабинет, обставленный белоснежной мебелью. Стены и пол здесь тоже сверкали ослепительной белизной, от которой у меня уже начало резать глаза. Единственным цветным пятном здесь был стенд, на котором располагались многочисленные грамоты и сертификаты на имя Милены Владиславовны.

– Присаживайтесь, – заведующая указала мне на симпатичный диванчик, обитый бархатной тканью, стоящий у окна.

Я направилась туда и села, стараясь унять мелкую дрожь

по телу. Сама она сняла с себя пальто, повесила его на плечики в шкаф, достала оттуда красивые лакированные бежевые туфли-лодочки и переобулась. Затем накинула поверх короткого облегающего платья белый медицинский халат, поправила и без того идеальную прическу у большого настенного зеркала и подошла ко мне. За несколько минут она чудесным образом перевоплотилась из привлекательной гламурной девушки в строгого врача.

– Как к вам можно обращаться? – спокойно спросила она, присаживаясь на другом конце дивана.

– Юля, – робко ответила я, ощутив, как желудок от страха точно свернулся в упругий клубок.

– Знаете, Юля, я наслышана о сегодняшнем инциденте в больнице, – тут она немного помолчала, словно подбирала дальнейшие слова. – Я не буду обращаться в полицию и согласна посчитать произошедшее… нелепой случайностью, так скажем.

Вытянув вперед стройные ноги, обтянутые шикарными прозрачными колготками, и откинувшись на спинку дивана, она продолжила, не глядя на меня:

– Но, тем не менее, предупреждаю вас, что это первый и последний раз, когда я позволяю нарушать установленную дисциплину в отделении, – теперь в ее словах сквозили железные ноты. – Ваш ребенок находится под защитой органов Опеки до суда, как мне известно. Вы сможете посещать его, как только у нас закончится карантин, в строго отведенное

по режиму время. Я доходчиво все вам объяснила?

Она развернулась и посмотрела на меня непроницаемым холодным взглядом. Внутри у меня что-то надломилось. Те эмоции, которые я так долго сдерживала в себе, хлынули через край. В порыве отчаяния я упала на колени перед врачом и, заливаясь слезами, принялась умолять ее о встрече с ребенком. В ответ она лишь отрицательно качала головой.

– Я вам все уже объяснила. Правила есть правила, они для всех, – она встала с дивана и с равнодушным видом отошла прочь, видимо, ей надоело выслушивать мою истерику. – Можете идти.

– Скажите хотя бы, как Кирилл себя чувствует?.. – сгорбившись в отчаянии, почти прорыдала я. – Как он ест, спит, какое у него настроение?..

– О нем прекрасно заботятся наши медсестры и нянечки, – все так же ровно ответила мне заведующая. – У ребенка нормальный аппетит и сон, нет никаких видимых признаков заболевания или стресса. Можете не волноваться.

– Это правда? Или вы меня обманываете, чтобы отвязаться? – от ее слов на сердце немного потеплело. Если она не врет, то сыночек безболезненно переносит расставание со мной. Значит, когда я заберу его домой, он не будет страдать от последствий случившейся трагедии.

В ответ на мой вопрос женщина поморщилась, как будто попробовала лимон, но все же сказала:

– Нет, это не ложь. Когда карантин окончится, вы сами

убедитесь в этом.

– А когда это произойдет?! – я поднялась с белоснежного паркета и вытерла слезы с лица ладонью.

– Пока не могу сказать вам точно, приезжайте и узнавайте. А лучше звоните в отделение, – врач подошла к своему столу и села за него. – Простите, у меня много дел.

– Да, конечно, – пробормотала я и уныло побрела к выходу.

Обратно до остановки я шла словно в тумане, не замечая ничего вокруг. Все это просто не могло случиться со мной и моим ребенком. Как быть дальше и проживать оставшиеся дни до конца карантина? Не зная, как там мой малыш, не видя и не слыша его???

Внутри остановки, находящейся на противоположной стороне от больницы, я села на холодную деревянную лавочку. Сгорбилась, уткнула локти в ноющие колени и, запустив руки в волосы, закрыла глаза. Время тянулось медленно, а я не знала, что мне делать.

– Девушка, с вами все в порядке? – рядом прозвучал обеспокоенный, почти детский голос.

Нехотя я разогнулась и посмотрела мутным взглядом в сторону исходящего звука. Неподалеку на пешеходной дорожке остановилась девушка-подросток, совсем юная и такая небезучастная. Волосы выкрашены в какой-то совершенно дикий цвет, в носу пирсинг, на ногах тяжелые черные ботинки на платформе. Увидев мое лицо, она в испуге отшат-

нулась.

– Все хорошо, – промямлила я ей в ответ. Подросток кивнула и быстро зашагала прочь.

При повороте головы мой взгляд наткнулся на собственное отражение в пластиковой стене остановки, и я ужаснулась своему виду. Не удивительно, что малышка испугалась меня: красные воспаленные глаза, бледное лицо сплошь в черных подтеках туши. Если бы не мой вполне приличный наряд, то меня запросто можно было бы принять за какую-то алкоголичку, страдающую от похмелья.

Я порылась в сумке и извлекла оттуда небольшую пачку влажных салфеток, которые были просто незаменимы во время прогулок с сынишкой. Быстрыми движениями стерла всю косметику с лица, тяжело вздохнула и принялась размышлять, как быть дальше.

Мне не дают увидеться с ребенком – это факт. Но вдруг кто-нибудь сможет повлиять на эту ситуацию? Например, Эмма Петровна? Да, наша первая встреча прошла не самым лучшим образом, но ведь всегда есть шанс все исправить. Она ведь тоже женщина… Может, я смогу разбить ледяной барьер между нами и добиться ее расположения?

Окрыленная этими мыслями, я подскочила с лавки и принялась нервно расхаживать вдоль дороги, нетерпеливо ожидая автобус. Бог словно услышал мою безмолвную мольбу: на повороте замаячила маршрутка как раз с нужным мне номером. Похоже, что это добрый знак!

Я быстро заскочила в подошедший транспорт и весь путь до остановки у Опеки ехала, как будто сидела на иголках. Едва лишь распахнулись двери-гармошки, я поспешно выпрыгнула на улицу и рванула к нужному зданию. Влетев внутрь, я почти сразу столкнулась со знакомой секретаршей. Она остановилась и озабоченно нахмурилась, явно вспоминая меня.

– Вы к Эмме Петровне идете? – спустя пару секунд произнесла она.

– Да, – коротко ответила я и уже собралась было рвануть дальше.

– Постойте, ее сейчас нет на месте, она уехала по делам в город и сегодня уже не появится, – огорошила меня девушка.

Внутри опять все опустилось. Выросшие недавно крылья за спиной растворились в воздухе, словно их и не было.

– Это точно?! Я могу подождать ее, если что, – с надеждой спросила я.

– Да, на работе она появится только завтра. Приезжайте с утра, – предложила секретарь и прошествовала в приемную.

Я мысленно выругалась про себя и нехотя вышла из здания Опеки. Ну вот, теперь придется потерять впустую весь оставшийся день. Как же я безумно соскучилась по Кирюше!.. Мне просто на физическом уровне необходимо обнять его, прижать к себе, приласкать… Дать понять крохе, что я никуда не пропала и скоро мы вновь будем вместе…

В голову пришла неожиданная мысль: может, эта ситуация наоборот мне во благо? Вдруг сейчас впопыхах я бы не

смогла донести до Эммы Петровны все, что необходимо?.. А за вечер я как следует подготовлюсь к разговору со строгой дамой и точно смогу убедить ее помочь. В полном смятении на душе я вернулась домой и провела остаток дня за репетицией завтрашней встречи.

***

Полночи я усиленно пыталась уснуть, но ничего не получалось. Я вновь и вновь подбирала нужные слова для разговора и проговаривала их вслух, будто сумасшедшая. В голове беспрестанно разворачивались всевозможные сюжеты развития этой непростой ситуации. В конец измучив себя, я все же провалилась в тревожный сон.

Когда прозвенел будильник, я с трудом разлепила сонные глаза. За окном было непривычно темно: небо нависло грузным свинцовым покрывалом над городом, обещая в скором времени пролиться холодным дождем.

Заставив свое тело подняться с дивана, я прошлепала в ванную комнату и быстро привела себя в порядок. В желудке противно посасывало: вечера я так ничего и не ела. Мысленно поругав себя за это, наспех соорудила бутерброд и проглотила его, запив крепким кофе. Сегодня у меня трудный день. Я должна добиться встречи с сыном любой ценой, а для этого потребуются силы.

Стрелки на часах приближались к девяти часам, пора собираться. Я надела мягкий свитер из светло-розового каше-

мира и потертые джинсы с высокой талией, волосы собрала в высокий хвост на голове. Краситься сегодня я специально не стала: неизвестно, вдруг мне опять придется рыдать. Поверх наряда я надела бежевый плащ на крупных черных пуговицах с капюшоном и с тяжелым сердцем вышла из дома.

В подъезде любопытная консьержка попыталась завести со мной беседу, но я лишь сдержано поздоровалась с ней и вышла на улицу. С небес, как будто пропущенный через частое сито, лился мелкий противный дождь. За несколько минут, пока я шла до автобусной остановки, он окрасил мой плащ в темную крапинку. Ехать на такси, конечно же, удобнее, но и дороже, а денег у меня осталось не так много до зарплаты.

К счастью, дребезжащий автобус подошел довольно быстро. Я зашла в наполненный людьми салон, отыскала свободное место у окна и села, оплатив проезд. По дороге до нужного места я, максимально сосредоточившись, беспрестанно в уме проигрывала сцену встречи с грозным специалистом.

Выйдя из общественного транспорта уже на знакомой остановке, я медленно пошла к зданию Опеки. От нервного напряжения по телу шла мелкая дрожь. Под ногами было мокро и грязно, противно чавкали опавшие почерневшие листья. Глубоко вдохнув холодный осенний воздух, я потянула тугую дверную ручку на себя и вошла внутрь.

Секретарь в приемной подняла голову и кивнула, узнав меня.

– Эмма Петровна у себя, – не дожидаясь моего вопроса, ответила она и занялась своими делами.

Я, тяжело переступая ногами по лестнице, поднялась на второй этаж и дошла до нужной двери. Собравшись, осторожно постучала и заглянула в кабинет. Богданова была там не одна. За столом напротив нее спиной ко мне сидели мужчина и женщина, они держались за руки. Специалист органов Опеки с улыбкой что-то вежливо говорила им, а на столешнице перед ней лежал шикарный букет цветов. Увидев меня, она тут же в момент потеряла свой благожелательный вид и раздраженно прикрикнула:

– Занято!

Мое сердце ухнуло в пятки, и я закрыла дверь. «Господи, помоги мне»,– отчаянно прошептала я и перекрестилась, прислонившись к стене. Нервно теребя полы плаща, я терпеливо ожидала, когда ранние визитеры выйдут из кабинета.

Спустя примерно десять минут дверь распахнулась, и на пороге кабинета появилась та самая парочка. Высокий, со вкусом одетый мужчина элегантно придерживал свою спутницу за локоток. Девушка была примерно моего возраста, очень красивая и эффектная, ее руки и шею унизывали изысканные ювелирные украшения. По их внешнему виду можно было легко догадаться, что они не испытывают недостатка в деньгах.

Лица обоих светились неподдельным счастьем. Радостно перешептываясь о чем-то своем, они вышли из помещения,

но, увидев меня в стороне, сразу же резко замолчали. Девушка ткнула мужчину в бок и ускорила шаг, не сводя с меня настороженного взгляда. В быстром темпе они удалились к лестнице, где на мгновение мужчина обернулся и пристально взглянул на меня. Спутница одернула его, и через пару секунд они исчезли из поля моего зрения.

Я удивилась их странному поведению, так как точно видела эту пару впервые в своей жизни. Но тут же прочь откинула мысли о них, мало ли, может, приняли меня за свою знакомую просто… Нужно сосредоточиться на главном. Я вновь робко постучала в дверь.

– Войдите! – послышался холодный ответ.

Ноги подогнулись от страха, но, сжав вспотевшие кулаки, я шагнула вперед. Сотрудница опеки бережно вертела в руках пышный букет, явно подаренный ей той самой парочкой. Она посмотрела на меня и, ничего не говоря, жестом руки указала на стул. Сама выудила откуда-то из-под стола небольшую красивую вазу, приладила туда букет и с удовлетворением на лице вышла из помещения. Спустя пару минут женщина вернулась с сосудом, уже наполненным водой, опустила туда цветы и поставила букет на середину стола. Закончив свои хлопоты, она села, элегантным движением поправила очки и вопросительно уставилась на меня.

– Слушаю вас.

– Добрый день, Эмма Петровна, – набрав побольше воздуха в легкие, нерешительно начала я. – В первую очередь

я хотела извиниться перед вами за свое вчерашнее поведение… Простите, я была немного не в себе…

– Хорошо, извинения приняты, вы что-то еще хотели от меня? – с равнодушным видом перебила она меня.

– Если честно, то да… – смущенно помолчав, я горячо продолжила:– Понимаете, в детском отделении карантин, и меня не хотят туда пускать…

– А я здесь при чем? – удивленно приподняла брови дама. – У них свои порядки.

– Я подумала, может, вы поможете мне хотя бы ненадолго увидеться с сыном?.. – я с надеждой напряженно замолчала.

– С какой это стати? – возмущенно ответила женщина. – Мне что, заняться больше нечем, по-вашему?!

– Поймите, Эмма Петровна, – проглотив ее резкость, заискивающе начала я, – я очень хочу вернуть своего сына и переживаю о его самочувствии… Ребенок очень привязан ко мне… Вы ведь тоже женщина и наверняка понимаете мои чувства…

Богданова встала со стула, грозно сложила руки на груди и начала прохаживаться вдоль стола.

– Так вы еще надеетесь вернуть мальчика? – ее тон прозвучал крайне насмешливо. – Не лелейте напрасные надежды – вот вам мой совет. Я могу назвать множество причин, по которым вы ему не годитесь в матери. Вы бросаете ребенка в неизвестном месте, пишите письменный отказ от него, при этом находитесь в состоянии наркотического опьяне-

ния… Это далеко не весь список. Вы ведь не работаете, жилье съемное, мужа нет… Достаточно или еще продолжить?

Каждое ее резкое слово больно наотмашь хлестало меня. Стиснув зубы, я молча терпела оскорбления. Раздраженный взгляд сотрудницы Опеки переместился с меня на букет цветов и тут же моментально смягчился.

– К тому же, для вашего сына уже нашлись хорошие усыновители. Достойные люди, надо сказать!..

Тут я все поняла. Супружеская пара, получавшая аудиенцию передо мной, и была теми самыми усыновителями! Это они хотят забрать моего ребенка! Вот почему их поведение было таким странным! Не в силах больше сдерживать себя, я с вызовом ответила наглой женщине:

– Кирилл – мой сын, и я его никому не отдам!

В ответ она громко расхохоталась. Затем подошла к столу, перегнулась через него, упершись руками в столешницу, и внезапно перешла на «ты».

– Да кто тебя спрашивать-то будет?! Считай, что ты уже «лишенка»! Да я таких, как ты, каждый день вижу, и все вы одно и то же говорите! – взгляд ее стал остервенелым, а костяшки пальцев, на которые она упиралась, побелели. – А что случись, с кого спрос? С меня, конечно! Да я детей спасаю от таких мамаш-кукушек, как ты, и жизнь даю им нормальную!..

После этих слов мое терпение с громким треском лопнуло. Все. Выслушивать больше эту гадину я не могла, возник-

ло непреодолимое желание заткнуть ее противный рот. Не ведая, что творю, я схватила успевший стать ненавистным мне букет и отшвырнула его в сторону. Затем взяла в руки почти полную вазу и с размаху окатила водой с ног до головы сотрудницу Опеки.

Глаза ее полезли на лоб от удивления. Она открыла рот в полной растерянности и стала смешно хватать им воздух, словно рыба, выброшенная на берег. С темных коротких волос ручьем стекала вода на светлый брючный костюм, линзы очков сплошь покрылись прозрачными капельками воды. Теперь надменный вид дамы полностью потерялся, он стал комичным и нелепым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.